

Тан Синхэ никого больше не нашел после смерти жены, и в доме было много пустых комнат. Однако Му Линь теперь Омега, поэтому он устроился подальше от спальни Тан Синхэ. Во-первых, чтобы избежать подозрений, во-вторых, он беспокоился, что два феромона столкнутся и что-нибудь случится.

“Мне будет неудобно навещать тебя в будущем. Просто скажи горничной, если у тебя будут какие-нибудь проблемы”.

Тан Синхэ с улыбкой вошел в дверь, держа на руках трехлетнего ребенка, похожего на куклу: “Теперь в этом особняке живут только отец и сын. Так, что не волнуйся и чувствуй себя, как дома”.

Му Линь был привлечен ребенком у него на руках, и его совершенно не волновали вежливые слова Тан Синхэ: “Эй, этот ребенок такой милый, Синхэ, где ты нашел себе сына?”

“Что ты имеешь в виду, говоря "нашел"? Это мой собственный сын. Моя жена скончалась вскоре после того, как родила его три года назад. Взрослое имя - Тан Янь, а детское - Сяо Бао. Давай, Сяо Бао, поздоровался с братом Му.”

Сказав это, Тан Синхэ передал ребенка с широко открытыми глазами в руки Му Линя. Тот поспешно поймал его, но сказал: “Брат Му? Ему следовало бы называть меня дядя Му. Я старше тебя.”

Тан Синхэ с улыбкой прищурился: “Тебе сейчас есть хотя бы двадцать?”

Му Линь внезапно поперхнулся - он поменял тело, и его старшинство резко упало. Теперь у Тан Синхэ есть веские причины воспользоваться своим возрастом.

Сяо Бао вел себя хорошо. Он сидел в объятиях Му Линя и долго смотрел на него, поблескивая большими глазами, затем тихо позвал “Брат Му”. Му Линь кивнул и поспешно ощупал свою одежду, пытаясь найти что-нибудь, что можно подарить ребенку: “Это так неожиданно, я даже не захватил с собой подарок для встречи.”

С тех пор как он возродился, он ел и пил в особняке Гу Саньцяня, поэтому у него не было с собой никаких собственных личных вещей.

Тан Синхэ, естественно, знал о ситуации Му Линя, поэтому сказал: “Ты по-прежнему вежлив со мной. Если ты действительно хочешь подарить что-нибудь моему сыну, мы можем поговорить об этом позже.”

Глаза Му Линя внезапно загорелись, и он вытащил белый драгоценный камень, он был ранее зашит в кармане. Этот камень принадлежал Лю Линю. Он много раз думал о том, чтобы сбежать, когда был с Гу Саньцянем, но у него не было с собой денег, а хрустальная карта была известна. У него оставался только этот ценный белый драгоценный камень. Зашитый на черный день, этот камень очень пригодился сегодня.

“Ну же, ну же, добрый племянничек, возьми это.”

Сказав это, Му Линь нежно сжал щечку Сяо Бао пальцами. Мягкая кожа ребенка на мгновение немного ошеломила его - казалось, он сказал это Гу Саньцяню. Когда мальчик впервые пришел в особняк генерала, он подарил ему маленький кинжал, с тупым лезвием. Позже, когда ребенок научился пользоваться кинжалом, он лично попросил старого мастера сделать новое лезвие, и этот кинжал стал оружием защиты.

Как внимателен он был к Гу Саньцяну тогда, и он никак не ожидал, что этот ублюдок будет так обращаться с ним сейчас.....

“Это слишком дорого.”

Голос Тан Синхэ выдернул Му Линя из воспоминаний, и он поднял голову и неохотно улыбнулся старому товарищу: “Все в порядке, в любом случае, для меня это бесполезно. Пусть достанется моему новому племяннику.”

Этот племянник, все еще был милым, так как был ребенком. Может быть, он станет кривым, когда вырастет.

Тан Синхэ увидел, что Му Линь погрузился в воспоминания. Он увидел, что лицо бывшего генерала было не очень хорошим. Он подумал, что из-за того, что тот только что родил, и плохо отдохнул, а его физическая сила была слабой. Он спокойно забрал своего сына из рук Му Линя.

“Уже поздно, я отнесу его в постель, а тебе следует пораньше лечь. Если ты почувствуешь себя плохо, попроси горничную вызвать личного врача.”

Му Линь кивнул: “Я сам о себе позабочусь.”

После того, как Тан Синхэ и его сын ушли, Му Линю не хотелось спать. Во-первых, было еще рано, а во-вторых, действие анестетика закончилось, и место, где он перенес операцию, болело. Му Линь всегда был чрезвычайно терпелив. Он был не раз ранен на поле боя. Он хотел отправиться прямо в специальную камеру для быстрого восстановления, не принимая анестетиков, но врач сказал, что после подобной операции это невозможно. К тому же тело Омеги слабое и не может вынести высокоинтенсивного восстановления мышц в подобной камере, поэтому он должен позволить организму медленно заживать самому. После изменения тела его выносливость действительно снизилась.

Вспышки боли расстраивали Му Линя, и он не мог не думать о Гу Саньцяне, маленьком чудовище. Все его сегодняшние страдания - из-за него, этого ублюдка.

Му Линь закрыл глаза и прислонился к изголовью кровати. По словам Тан Синхэ, текущая политическая ситуация неспокойна. Му Линь мог понять, что он имеет в виду. Как только начнется хаос, пострадает вся Гамма. Как говорится, когда бессмертные сражаются, простые люди страдают. Если произойдет еще один мятеж, будет еще хуже.

Тан Синхэ не хотел заставлять его задуматься о страданиях народа, на самом деле, он хотел подбодрить его. Однако теперь он Омега, и в его руках нет солдат. На самом деле, он ничемный человек.

Это была хорошая идея - попросить Тан Синхэ позволить ему отправиться в армию в его воинское подразделение.

Однако этот вопрос, возможно, придется отложить. Политическая борьба всегда сопровождается ожесточенными шпионскими операциями. Теперь, когда ситуация не из лучших, контроль за поступлением в армию должен был стать строже. Тан Синхэ хотел поручиться за него, но все равно это должно быть сложнее, чем раньше.

Хотя у Тан Синхэ хорошие отношения с ним, он не может слишком смущать друга.

Му Линь закрыл глаза и долго думал, и, наконец, пришел к выводу - единственное, что он может сейчас сделать, это попытаться заставить себя не быть никчемным, найти работу ... или что-то в этом роде.

Увы, человек предполагает, а бог располагает.

Му Линь задремал, когда кто-то поспешно постучал в его дверь снаружи. Му Линь внезапно открыл глаза и по привычке насторожился: "Кто?"

"Мистер Лю, вы спите?"

Это был голос горничной, и Му Линь вздохнул с облегчением. Тан Синхэ намеренно использовал имя Лю Линь, когда представлял его слугам. Если бы кто-то из них назвал его настоящее имя, и те, кто не знали правды услышал его, это могло породить множество домыслов.

Му Линь приподнялся на кровати, и спустил ноги вниз: "Нет, что такого срочного?"

Он встал, открыл дверь и увидел горничную, нервно стоявшую на пороге, она сказала Му Линю: "Адмирал попросил меня отвести господина Лю в другую комнату. Здесь беспокойный гость."

Му Линь понял, как только услышал это - Гу Саньцянь уже подошел к их двери.

Так быстро.....

Му Линь не был удивлен, что племянник смог найти это место. Теперь, когда информационная система настолько развита, у Гу Саньцяня много прав. Выяснить, кто его забрал, было несложно.

Он просто не ожидала, что все произойдет так быстро.

Когда Гу Саньцянь оставил его одного в больнице, он окончательно подумал, что ему наплевать на Лю Линя. Маленькое чудовище вело себя ужасно, когда сталкивалось с ним. Даже "их ночь", вызванная феромоном, была грубой и жестокой. В процессе этот парень даже не хотел видеть его лица. Видно, что он был прав, племянника раздражает Лю Линь, шпион Фан Роу.

Он воспользовался возможностью улизнуть. Он считал, что Гу Саньцянь спохватиться не сразу, да и узнав о его побеге, не кинется сразу искать. Даже если бы этот парень захотел увидеть его по прихоти позже, время уже прошло бы, и он не смог бы найти его.

Теперь у Му Линя нет чужого семени в животе, и он не прихватил никаких государственных секретов. Почему Гу Саньцянь так стремится найти его?

Му Линь был раздражен, но ситуация вынудила его прятаться. Он терпеливо не отставал от горничной и приготовился перебраться в более укромную комнату. Когда он проходил мимо цветочного коридора, то увидел сидящих там Гу Саньцяня и Тан Синхэ, ни один из них не выглядел особенно хорошо.

У Гу Саньцяня обычно такое лицо, но Тан Синхэ довольно мягкий и покладистый человек, что могло его так разозлить. Похоже, Гу Саньцянь, сказал что-то неслыханное.

Му Линь немного подумал и жестом велел горничной остановиться: "Там есть ширма или что-

то в этом роде, чтобы они не могли видеть меня, а я мог слышать, о чем они говорят?"

Горничная видела отношение Тан Синхэ к Му Линю. Поскольку у них были очень хорошие отношения, она не подумала, что просьба Му Линя прозвучала грубо. Но все же она заколебалась: "Это ... Адмирал Тан приказал мне отвести вас в другое место, чтобы избежать встречи..."

Му Линь улыбнулся: "Я приехал сюда из-за нашей старой дружбы, и не хотел бы доставлять больших неприятностей. Я боюсь, что из-за меня у адмирала Тана и генерала Гу возникнут недоразумения. Тогда, даже если я умру, я не смогу извиниться".

В конце концов, горничная кивнула: "За цветочной верандой есть рокарий, там все слышно."

После того, как Му Линь последовал за служанкой в рокарий, он как раз услышал слова Гу Саньцяня: "Из-за моего дяди я приветствую вас, дядя Тан, но если вы не отдадите мою жену, не вините меня за грубость по отношению к вам."

Му Линь схватил каменную глыбу и резко сжал ее. Если бы у него все еще были сильные руки раньше, камень мог бы уже рассыпаться. Этот сукин сын так бесцеремонен. Почему ты такой грубый?□

Тан Синхэ также спрятал иголки в своих словах: "Генерал Гу действительно все неправильно понял, как я мог спрятать вашу жену. В последний раз, когда я случайно встретил моего старого знакомого в вашем особняке и сказал ему несколько слов, генерал Гу наговорил достаточно, что я бы не осмелился снова вступить с ним в контакт."

Гу Саньцянь немного помолчал, затем холодно сказал: "Тан Синхэ, я пришел к вам, чтобы показать, что у меня на руках есть доказательства. Если вы действительно не боитесь потерять свою репутацию, просто продолжайте скрывать его."

Му Линь нахмурился, а затем услышал, как Гу Саньцянь продолжил говорить: "Вы ведь знаете, какое это преступление - прятать шпиона Фан Роу".

Тан Синхэ на какое-то время был ошеломлен: "Фан Роу..."

"Лю Линь - шпион Фан Роу. Президент приказал мне следить за ним. Если что-то пойдет не так из-за вас, вы знаете, каковы будут последствия."

Му Линь увидел из щели в каменной горке, что Гу Саньцянь уже встал и снисходительно посмотрел сверху вниз на Тан Синхэ, стоявшего перед ним. Будучи младшим, он даже не проявлял никакого уважения или страха перед старшим. Напротив, это Тан Синхэ полностью изменился в лице из-за фразы "Шпион Фан Роу".

<http://bllate.org/book/13776/1215988>